

о роли скопцов в византийской администрации (стр. 95); он убедительно критикует ту точку зрения, которая и мне казалась правдоподобной, а именно, что опора византийских государей на евнухов объяснялась большей лояльностью этих людей, для которых престол был недостижимым; он справедливо замечает, что евнухи нередко участвовали в заговорах. По мысли Вальтера, лишённые «сексуальных радостей», скопцы более «бородатых» склонялись к «интеллектуальным спекуляциям» и потому оказывались деятельней и талантливей в исполнении административных функций. Очень любопытно и наблюдение Вальтера над тем, что все три Комнина с трудом овладели престолом (стр. 74—76).

Вторая часть книги посвящена будням «среднего византийца»: его жилищу, питанию и одежде, школе, браку и любви, реликвиям и суевериям, религиозным спорам и, наконец, зрелищам и развлечениям. И в этой части немало любопытных наблюдений. Так, на стр. 211 Вальтер ставит вопрос об отличии образа богородицы в Византии и на Западе. «Греческая богородица выступает более зрелой, резко отмеченной материнством — и вместе с тем более человеческой; она ближе к смертным, чем ее грозный сын — Пандократор». Кстати сказать, именно от Вальтера, много писавшего и по античности, и по новой истории (по Французской революции преимущественно), можно было ждать больше параллелей с Западом — пусть спорных, но плодотворных.

И социальная, и бытовая история Византии разработаны мало, во всяком случае неровно. Если глава об императорской власти могла основываться на ряде солидных исследований, то в разделах о господствующих (привилегированных) классах Вальтеру почти не на что было опереться. Ему поэтому не удалось обрисовать специфические особенности положения византийской светской и духовной знати; на мой взгляд, он чересчур приблизил ту и другую к классическому западному образцу. Последние работы (особенно Х. Г. Бека) позволяют внести в эту точку зрения серьезные коррективы.

И византийский быт еще нуждается во многих специальных исследованиях. Думаю, в частности, что Вальтер чересчур доверился сатирическим сценкам Продрома и представил византийцев ббльшими гурманами и обжорами (стр. 125, 178—180), чем они были на самом деле. Они ели не три раза в день, а не более двух, а Кекавмен советовал обходиться одной трапезой в сутки. И пища была не слишком разнообразной, ее основными компонентами оставались хлеб (на Балканах преимущественно ячменный) и вино; остальное составляло дополнение, «приварок».

И еще одно замечание. Хорошо, что книга Вальтера ограничена во времени — одним столетием, но, к сожалению, она не приобрела от этого историзма. Дело не в том, что автор постоянно углубляется в прошлое (первая глава называется «Рождение Нового Рима»), — это, пожалуй, закономерно. Однако же в книге почти нигде не ставится вопрос о специфике данного этапа византийской истории, о его отличии от предшествующих столетий. Изменилось ли положение знати, духовенства, императоров, тех же скопцов, наконец, или все в общем и целом осталось без перемен — вот один из коренных вопросов, стоящих перед исследователем.

А. К.

C H. M. B R A N D. BYZANTIUM CONFRONTS THE WEST. 1180—1204.

Cambridge, Mass., 1968, p.X + 394.

W. H E C H T. DIE BYZANTINISCHE AUßENPOLITIK ZUR ZEIT DER LETZTEN KOMNENENKAISER (1180—1185).

Neustadt/Aisch, 1967, S.XII + 96

Взятие Константинополя от коняны Мануила I отделяет всего четверть столетия; можно сказать, что за это время едва сменилось одно поколение — а катастрофическое изменение внешнеполитической ситуации Византии очевидно для каждого наблюдателя. Из могущественной империи, соперничавшей с Германией Фридриха Барбароссы, она превратилась в ничтожное государство, без особого труда захваченное горсточкой крестоносцев. Констатировать этот факт просто, объяснить его — много сложнее. В какой-то мере такую задачу ставят перед собой авторы обеих рецензируемых книг, молодые византинисты — американец Ч. М. Брэнд, преподаватель истории колледжа Брин-Мор, и выпускник Вюрцбургского университета В. Хехт.

Обе книги отличает одна особенность — широкое привлечение многообразных источников: наряду с греческими, среди которых, разумеется, первое место принадлежит Никите Хониату, анализируются итальянские, немецкие, французские, английские хроники, русские летописи, сочинения армянских, сирийских, арабских историков. Факты тщательно взвешены, учтены суждения предшественников, используются труды и славяноязычных исследователей, в том числе советских.

Вместе с тем обе работы значительно отличаются друг от друга — не только протяженностью рассмотренного времени или пространства (Хехт изучает лишь первые

пять лет, последовавшие за смертью Мануила I¹, тогда как Брэнд доводит анализ до 1204 г.; напротив, Брэнд рассматривает взаимоотношения Византии лишь с западными государствами², в то время как в диссертации Хехта освещается весь комплекс византийской внешней политики, но и самым отбором материала. Хехт начинает книгу с констатации невозможности в настоящее время осветить экономическую и социальную историю избранных лет и сознательно ограничивает себя лишь «изображением внешнего течения кризиса» (стр. 1). Брэнд же детально рассматривает то, что Хехту кажется невозможным исследовать; его монография отчетливо распадается на две части: в первой из них он хронологически последовательно описывает хозяйственное и общественное развитие страны, борьбу различных группировок — все то, что составляет «внутреннее течение кризиса», и только во второй приступает к изучению отдельных аспектов взаимоотношений Византии с Западом.

Есть между обеими книгами еще одно различие. Работа Брэнда в целом нарративна. Не случайно она завершается не выводами, а описанием катастрофы 1204 г. (стр. 259—269). Все исследование внешней политики распадается на ряд параллельных, изолированных очерков: норманское вторжение 1185 г., крестовый поход Фридриха Барбароссы, Византия в качестве вассального государства при Генрихе VI, установление венецианской торговой монополии, роль соперничества Венеции — Генуи и Пизы, поиски союза с папской курией и, наконец, Четвертый крестовый поход. Почти каждая из этих глав-очерков имеет краткое введение, восходящее к Алексею I (стр. 160, 195, 207) или хотя бы к Мануилу I (стр. 222). Единство внешней политики Византии в силу этого исчезает.

Большой целостностью обладает первая часть — социальная характеристика Византии. Здесь можно отметить ряд интересных наблюдений: Брэнд анализирует социальный состав окружения Андроника I (стр. 57—61), полагая, что число «новых людей» было там меньше, нежели «профессиональных бюрократов»; Исаак II, по словам Брэнда (стр. 98), опирался не на знать, но на чиновничество, продолжая по существу линию своего низвергнутого предшественника. Что касается Алексея III, то его опору Брэнд усматривает (стр. 119) в близких родственниках императора.

Однако наблюдения и частные обобщения Брэнда не организуют материал, автор не столько доказывает, сколько описывает. В чем, собственно, причина краха империи? Если Андроник I и Исаак II опирались на чиновничество, если Алексей III пользовался поддержкой узкого «клана» родственников, то, видимо, в своеобразии или, скажем резко, в своекорыстии этой социальной группы следует искать разгадку упадка. Но Брэнд, явно отдавая дань традиции, склонен винить во всем земельных магнатов, освобожденных от податей, стремившихся к децентрализации страны, притеснявших своих крестьян и господствовавших в городах (стр. 4—9). Он говорит о прониях XII в. как о поместьях, которые обрабатывали крестьяне и с которых следовала военная служба, и даже права Ренье Монферратского на Солунь называет пронией, как и право Андроника Комнина в Понте (стр. 9, 19, 28), — тогда как пронии этого времени вряд ли были чем-либо большим, нежели пожалование определенной доли налога. До их превращения в лен еще предстоял долгий путь.

Напротив, книга Хехта вся пронизана одной идеей (возможно, ее большее единство связано с большей ограниченностью темы). Задача немецкого ученого состоит в реабилитации внешней политики Андроника I. Приглядимся, как это сделано.

Сперва Хехт рассматривает внешнюю политику регентства Марии-Ксении и прото-севаста Алексея и констатирует, что ее результатом было: а) потеря Хорватии и Далмации, б) территориальные потери в Малой Азии (стр. 12—16). Затем, переходя к самому Андронику, Хехт заявляет, что император имел «беспорные успехи» в сравнении с предыдущим периодом (стр. 31). Слова Erfolg, erfolgreich и дальше постоянно употребляются в книге применительно к Андронику (стр. 35, 61, 66). Наряду с этим Хехт стремится показать, что Андроник не был виновен в тех событиях, которые трудно считать удачными. Погром латинян в 1182 г. был совершен, оказывается, против воли Андроника³, который не несет личной ответственности за это кровавое злодеяние (стр. 37). Также и во время норманского нашествия 1185 г. стратегия Андроника была верной (стр. 84). Хехт замечает лишь, что выбор военачальников, возглавлявших гарнизоны Диррахия и Солуни, оказался несчастливом (стр. 84), но социальный анализ окружения Андроника, который проводит Брэнд, позволяет говорить не просто о несчастливом

¹ Но уже в статье об армяно-византийских отношениях в 1180—1196 гг. [W. Hecht. Byzanz und die Armenier nach dem Tode Kaiser Manuels I. — Byz., 37, 1967 (1968)] Хехт выходит за эти хронологические рамки. См. также W. Hecht. Zur Geschichte der «Kaiserin» von Montpellier, Eudoxia Komnena. — REB, 26, 1968, S. 161—169.

² Впрочем, уже в 1962 г. Брэнд опубликовал статью о союзе Исаака II Ангела с Салах-ад-Дином (Ch. M. Brand. The Byzantines and Saladin: Opponents of the Third Crusade. — «Speculum», 37, 1962).

³ Любопытно, что Хехт придает очень большое значение словам Роберта де Торины о поддержке Андроника султаном Икония (стр. 34), но опускает предшествующую фразу хрониста о том, что Андроник хотел избавиться (exterminare) от латинян (MGH SS, VI, p. 532). Если Роберт столь недостоверен в одном пункте, много ли оснований доверять ему в другом?

выборе. Андроник порывает с той социальной группой, которая поддерживала Мануила I (военная знать), физически расправляется с ней и ищет опоры в среде чиновничества. В данном случае как раз и «мстит» за себя принципиальный отказ Хехта увязать внешнюю политику с внутренней.

Но действительно ли успешно была политика Андроника I?

Бесспорный факт — потерю Кипра — Хехт даже не пытается поколебать (стр. 61—64). Положение на Балканах также ухудшилось. Летом 1182 г. Бела III начал военные действия (стр. 41), за венгерским вторжением последовало сербское (стр. 42, 76), к этому еще надо прибавить натиск половцев на Нижнем Дунае (стр. 77). Хехт, однако, стремится доказать, что уже зимой 1183/84 г. отношения между Венгрией и Византией улучшились и был заключен договор о браке между Белой и Феодорой Комниной, вдовой Андроника Лапарды и сестрой Мануила I (стр. 74. и сл.).

Но, во-первых, Феодора была не сестрой Мануила, а внучкой его сестры⁴, и, следовательно, брак с ней вряд ли мог дать Беле какие-либо серьезные права на престол. Во-вторых, ни о каком согласии Андроника на этот брак мы не знаем. Вполне допустимо принять вместе с Д. Моравчиком, что требование Белой руки Феодоры было направлено против Андроника, что Бела вступил в сношения с противниками Андроника⁵. Не исключено и то, что руки Феодоры Бела просил уже после свержения Андроника — у Исаака II⁶. Таким образом, тезис Хехта о византино-венгерском союзе при Андронике оказывается необоснованным.

Что отношения с Венецией начали нормализоваться уже при Андронике, несомненно (см. также Брэнд, стр. 196 и сл.), но заключение Хехта о подписании в 1185 г. византино-венецианского мирного соглашения (стр. 53) крайне спорно. Известно во всяком случае, что до середины февраля 1185 г. стороны не пришли к соглашению (стр. 51). Уплата венецианцам большой денежной суммы в конце царствования Андроника не должна непременно быть связана с подписанием договора. Брэнд (стр. 197) не без оснований видит в этом попытку купить поддержку венецианцев во время войны с норманнами.

И тут мы подходим к самому существенному: и Алексей I, и Мануил I своими договорами с Венецией приобретали поддержку Республики св. Марка против норманнов — в 1185 г. Византия стояла против норманнов одна, Венеция не оказала ей помощи. Был или не был подписан договор, Андроник не удалось привлечь Венецию на свою сторону в этой борьбе.

Отношения с сельджуками также не были столь благоприятными, как предполагает Хехт. В основной расстановке сил того времени сельджуки оставались традиционными союзниками Фридриха Барбароссы; византийское правительство, ища против сельджуков помощи Салах-ад-дина, напугало и оттолкнуло провизантийские элементы в Палестине [кстати, одно из лучших мест в книге — анализ борьбы разных групп в Иерусалимском королевстве и поражения провизантийских сил (стр. 17—20)]. Если Андроник и получил на некоторое время поддержку сельджуков, то дорогой ценой — по-видимому, он обязался платить джизию, дань (стр. 33). Захват сельджуками Созополя, осаду Атталии и разграбление Котия Хехт относит еще к регентству протосеваста Алексея (стр. 16). Однако хронология нашего единственного источника, Никиты Хониата, в этом случае недостаточно ясна: он во всяком случае излагает эти события в связи с деятельностью Андроника, сторонники которого не только столице, но и провинциям (τὰ ἔξω) причинили ущерб (Nic. Chon., p. 340. 1—2)

Обе книги дают в руки исследователя обширный, хорошо обработанный материал. Конкретные наблюдения обоих авторов нередко тонки. Но если Брэнд стремится к нарративности, то Хехтпадает, на мой взгляд, в другую крайность — построенная им оригинальная система чересчур гипотетична и, более того, подчас противоречит фактам. Во всяком случае, ему не удалось поколебать представление, что внешняя политика Андроника была неудачной, а бы сказал решительнее — нереалистичной. В самом деле, все возможные союзники были им потеряны, а заигрывание с Салах-ад-дином не приносило реальных плодов. Византия стояла перед единым фронтом врагов — Германия, Венеция, норманны, сельджуки. Назревала ситуация, сделавшая возможным IV крестовый поход.

А. К.

⁴ См. *L. Stiernon. Théodora Comnène et Andronic Lapardas, sébastes.* — REB, 24, 1966, p. 89 sq. (работа еще не могла быть доступна Хехту).

⁵ *Gy. Moravcsik. Pour une alliance byzantino-hongroise.* — Byz. VIII, 1933, p. 565.

⁶ *V. Grumel. Les registres des actes du patriarchat de Constantinople, f. 3, 1947, № 1166.*